

**Межкультурные
отношения
на постсоветском
пространстве**

Москва
2017

ББК 60.6

М43

Данная монография подготовлена по результатам проекта РНФ «Эмпирическая проверка применимости политики мультикультурализма в России в контексте мирового опыта» (№15-18-00029).

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ *М.Ю. Мартынова*;
доктор психологических наук, профессор *Т.Г. Стефаненко*

М43 Межкультурные отношения на постсоветском пространстве. Монография под ред. Н.М. Лебедевой. — М.: Изд-во «Менеджер», 2017. — 492 с.

ISBN 978-5-8346-0349-8

В монографии представлены результаты научных исследований сотрудников Международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований НИУ ВШЭ по проекту Российского научного фонда «Эмпирическая проверка применимости политики мультикультурализма в России в контексте мирового опыта» (№15-18-00029). Эмпирические исследования межкультурных отношений в русле трех гипотез, предложенных Д. Берри (гипотезы мультикультурализма, контакта и интеграции), были проведены коллективом авторов в центральной России (включая Москву), на Северном Кавказе (Кабардино-Балкарская республика, республика Северная Осетия – Алания, республика Дагестан), а также в Латвии, Литве и Азербайджане. Результаты исследований показали применимость данных трех гипотез для анализа межкультурных отношений на постсоветском пространстве и высветили важную роль социокультурного контекста и межкультурной политики для гармонизации межэтнических отношений в разных странах и регионах. В заключении авторы приводят ряд практических рекомендаций, основанных на результатах научных исследований.

Книга предназначена для психологов, социологов, этнологов, органов образования и национальной политики.

ISBN 978-5-8346-0349-8

© Коллектив авторов, 2017

© Оформление. Издательство
«Менеджер», 2017

Содержание

Введение	5
Глава 1. Взаимоотношения этнических групп в поликультурных обществах. <i>Джон У. Берри</i> ...	29
Раздел I. Межкультурные отношения в центральной России	55
Глава 2. Взаимная аккультурация мигрантов и принимающего населения в центральной России. <i>Т. Рябиченко, Н. Лебедева</i>	57
Глава 3. Межгрупповые установки принимающего населения и дискриминация мигрантов в России. <i>Д. Григорьев</i>	82
Глава 4. Психологическая адаптация москвичей к культурному многообразию: опыт качественного исследования. <i>Н. Лебедева, Д. Зубова</i>	121
Раздел II. Межкультурные отношения на Северном Кавказе	155
Глава 5. Межкультурные отношения кабардинцев, балкарцев и русских в Кабардино-Балкарской Республике. <i>З. Лепишкова</i>	156
Глава 6. Межкультурные отношения в Северной Осетии — Алании. <i>В. Галяпина</i>	186
Глава 7. Межэтнические отношения в современном Дагестане. <i>В. Галяпина, З. Лепишкова</i>	212
Глава 8. Социальный капитал, стратегии межкультурного взаимодействия и психологическое благополучие этнических групп Дагестана. <i>А. Татарко</i>	240
Глава 9. Роль межкультурных и монокультурных дружеских контактов во взаимодействии народов Дагестана. <i>З. Лепишкова</i>	276

Раздел III. Межкультурные отношения в Латвии, Литве и Азербайджане	299
Глава 10. Межкультурные отношения латышей и русских в постсоветской Латвии. <i>Н. Лебедева, А. Татарко</i>	301
Глава 11. Русские в литовском контексте: проверка трех гипотез межкультурных отношений. <i>Т. Рябиченко</i>	324
Глава 12. Ценности и межкультурные установки русских Литвы. Особенности поколений. <i>Т. Рябиченко, Н. Лебедева</i>	342
Глава 13. Межкультурные отношения между азербайджанцами и русскими в постсоветском Азербайджане. <i>В. Галяпина, Н. Лебедева</i>	363
Заключение	381
Глава 14. Проверка трех гипотез межкультурного взаимодействия в России и на постсоветском пространстве: мета-анализ. <i>Н. Лебедева, А. Татарко</i>	383
Глава 15. Рекомендации по улучшению межнациональных отношений в Российской Федерации.....	413
Список литературы	425
Приложение (примеры опросников).....	464
Abstracts	480
Об авторах	490

Введение

В процессе реализации проекта «Эмпирическая проверка применимости политики мультикультурализма в России в контексте мирового опыта» авторы данной монографии провели исследования в России и ее регионах (Москва, Центральный федеральный округ, Кабардино-Балкария, Северная Осетия-Алания, Дагестан) а также — в Латвии (Рига) и в Азербайджане (Баку, Исмаиллинский и Хачмазский районы), опросив респондентов 13-и выборки общей численностью 3940 человек.

Цель данной части реализации проекта состояла в обобщении результатов исследования в разных регионах и определении того, насколько универсально подтверждаются три гипотезы межкультурного взаимодействия в центральной России, республиках Северного Кавказа и двух странах, бывших республиках СССР. Поскольку выборки были довольно разнородными, и инструментарий частично отличался, мы не могли провести мультигрупповое моделирование структурными уравнениями и выбрали для этой цели процедуру мета-анализа. Мета-анализ работает с вторичными данными, оперируя уже подсчитанными коэффициентами, результатами исследований и информацией о выборках. Данная процедура по-

звolyет привести разнородные данные разных исследований к единой метрике и сделать, на основе разных исследований, проведенных разными авторами обобщенный вывод о наличии или отсутствии искомого эффекта.

Существуют две модели мета-анализа: модель фиксированных эффектов и модель случайных эффектов (fixed- и random-effects models). Модель фиксированных эффектов предполагает, что рассматриваемый эффект константен во всех включенных в мета-анализ исследованиях, а в модели случайных эффектов ключевым является предположение о том, что получаемые результаты варьируют, будучи случайно отобранными из популяции (Корнилов, Корнилова, 2010). Выбор той или иной модели мета-аналитического исследования основывается на данных анализа гетерогенности полученных в исследованиях результатов. Для определения гетерогенности полученных результатов подсчитывается специальный коэффициент гетерогенности I^2 . Анализ гетерогенности является важным элементом корректной интерпретации результатов проведенного мета-анализа. В литературе указывается особая важность оценки гетерогенности результатов при проведении мета-анализа в кросс-культурных исследованиях (Дембицкий, 2013). Показатель I^2 варьирует от 0% до 100%. Значение более 50% свидетельствует о статистической гетерогенности (неоднородности) исследуемых групп. Оценка статистической гетерогенности позволяет выбрать наиболее подходящую модель выполнения мета-анализа. Если статистическая гетерогенность менее 50%, то используемые в мета-анализе исследования признаются статистически однородными и исследователем может быть использована модель фиксированного эффекта. Если

статистическая гетерогенность 50% или более, то считается, что гетерогенность используемых исследований высокая и рекомендуется применять модель случайного эффекта. Поэтому, в нашем мета-аналитическом исследовании, мы перед каждой оценкой размера эффекта подсчитывали показатель I^2 , а затем выбирали подходящую модель оценки размера эффекта (модель фиксированного эффекта или случайного).

Основными классами показателей размера эффекта являются г-класс и d-класс показателей. Класс коэффициентов связей — г-класс — включает множество разных коэффициентов (г Пирсона, ϕ — коэффициент, точечно-бисериальный коэффициент, а также Z-трансформация Фишера) (Sánchez-Meca, Marín-Martínez, 2010). Все исследования, с которыми мы работали, имели корреляционный дизайн, что значительно облегчало выбор коэффициента. Показателями в них являлись стандартизированные коэффициенты регрессии, поэтому для подсчета размера эффекта мы выбрали Z-Фишера, как наиболее универсальный из всех коэффициентов г-класса. Заметим, что для коэффициентов г-класса размер эффекта считается большим, если коэффициент выше, чем 0,50. Размер эффекта считается средним, если коэффициент около 0,30. И размер эффекта считается слабым, если значимый коэффициент около 0,10.

Итак, **цель** настоящего мета-анализа состояла в формализованном обобщении результатов наших собственных исследований, посвященных проверке трех гипотез межкультурного взаимодействия и определении того, насколько каждую из трех гипотез межкультурного взаимодействия можно считать доказанной, опираясь на данные, собранные на постсоветском пространстве. Таким образом, материалом

для мета-анализа послужили результаты эмпирических исследований по данному проекту.

Материалы

Ниже приводится таблица, в которой можно видеть основные характеристики выборок наших исследований.

Таблица 1

Характеристики анализируемых данных

Страна, Источник	Этнические группы	N	N мужчин	Возраст М
РФ, г. Москва (Лебедева, Татарко, Берри, 2016)	русские	651	202	34.8
	мигранты с Северного Кавказа и Закавказья (армяне, азербайджанцы, грузины, карачаевцы)	378	115	30
Латвия (Lebedeva, Tatarko, Berry, 2016)	русские	336	51	42.8
	латыши	363	49	42.6
РФ, Кабардино-Балкария (Lepshokova, Tatarko, 2016)	русские	285	82	42.4
	кабардинцы, балкарцы	249	89	44.1
РФ, г. Центральный федеральный округ (Ryabichenko, Lebedeva, 2016).	русские	158	34	42
	мигранты из Центральной Азии (узбеки, таджики)	168	103	30
РФ, Северная Осетия-Алания (Galyapina, Lebedeva, 2016).	русские	327	99	44.2
	осетины	318	97	44.2
Азербайджан (Lebedeva, Tatarko, Galyapina, 2017)	азербайджанцы	300	128	46.6
	русские	307	90	45.8
РФ, Дагестан (Эмпирическая проверка..., 2016)	русские	100	19	34.2
Итого	13 выборок	3940	1158	Me=42.5

Как можно видеть в таблице 1, мы использовали данные 6 публикаций и 1 аналитического отчета по результатам наших исследований. Рассматриваемые работы опубликованы на русском и английском языках. Анализируемый материал представлен данными 13-и выборок общим объемом около 4000 респондентов, 29,4% из которых мужчины, средний возраст в выборках варьирует от 30 до 46 лет, медианное значение составляет 42.5 года. В каждой стране или республике России, согласно дизайну исследования, опрашивались представители этнических меньшинств и этнического большинства. Мета-анализ результатов исследований по каждой гипотезе проводился также отдельно — с опорой на данные меньшинств и представителей этнического большинства, за исключением Республики Дагестан. В Дагестане особая ситуация — на территории этой республики проживают представители большого количества этнических групп и нет титульного населения или этнического большинства, которое образует данную республику. Поэтому мы использовали в мета-анализе результаты, полученные только на выборке русских, проживающих в этой республике, культура которых значительно отличаются от культур большинства этнических групп Дагестана и которые исторически не проживали на территории современного Дагестана, т.е. явно чувствуют себя этническим меньшинством.

Для выполнения мета-анализа использовалась программа «Comprehensive meta-analysis» 3.3.

Результаты

Гипотеза мультикультурализма.

Напомним, что гипотеза мультикультурализма операционализировалась как наличие позитивных связей между: 1) воспринимаемой безопасностью и принятием мультикультурной идеологии и 2) воспринимаемой безопасностью и этнической толерантностью. Сначала оценивалась устойчивость взаимосвязи, постулируемой в первой части гипотезы мультикультурализма (воспринимаемая безопасность — мультикультурная идеология). Первоначально проводился мета-анализ с использованием эмпирических данных этнических меньшинств, а затем — представителей этнического большинства в республиках Российской Федерации, Латвии и Азербайджана.

Итак, рассмотрим, насколько устойчива связь воспринимаемой безопасности и принятия мультикультурной идеологии в выборках этнических меньшинств. Вычисление уровня гетерогенности результатов показало, что она довольно высокая и составляет $I^2 = 97.4\%$, поэтому мы не использовали мета-аналитическую модель с фиксированными эффектами, а использовали модель со случайными эффектами.

Результаты, приведенные в таблице 2, показывают, что совокупный размер эффекта составляет .34, т.е. находится на среднем уровне и является статистически значимым ($p = .02$), хотя значимость и нельзя назвать высокой. Тем не менее мы можем сказать, что проведенный мета-анализ взаимосвязи между воспринимаемой безопасностью и принятием мультикультурной идеологии, с опорой на резуль-

Таблица 2

**Взаимосвязь воспринимаемой безопасности и принятия мультикультурной идеологии
(этнические меньшинства в разных странах и регионах)**

Исследование	N	Z Фишера	Дисперсия	Нижняя граница	Верхняя граница	p
1. Мигранты с Северного Кавказа и Закавказья (Лебедева, Татарко, Берри, 2016)	378	.040	.003	-.061	.141	.438
2. Русские в Риге (Латвии) (Lebedeva, Tatarko, Berri, 2016)	336	.151	.003	.044	.259	.006
3. Русские в Кабардино-Балкарии (РФ) (Lepshokova, Tatarko, 2016)	249	.234	.004	.109	.359	< .001
4. Мигранты из Центральной Азии (узбеки, таджики) в ЦФО (Ryabichenko, Lebedeva, 2016)	168	.277	.006	.124	.429	< .001
5. Русские в Северной Осетии (РФ) (Galyapina, Lebedeva, 2016).	327	1.045	.003	.936	1.154	< .001
6. Русские в Азербайджане (Lebedeva, Tatarko, Galyapina, 2017)	307	.110	.003	-.002	.223	.054
7. Русские в Дагестане (РФ) (Эмпирическая проверка..., 2016)	101	.497	.010	.299	.695	< .001
Размер эффекта (случайный)		.336	.021	.051	.620	.021

таты исследований в 7-и выборках, показывает, что действительно такая позитивная связь существует и является значимой.

Далее мы провели аналогичный мета-анализ с опорой на эмпирические данные представителей этнического большинства (табл. 3). Оценка гетерогенности данных показала, что в этом случае она также очень высока ($I^2 = 96.3 \%$), поэтому мы также использовали модель случайных эффектов.

В данном случае размер эффекта близок к 0.40 (если использовать правила математического округления) и является высокозначимым. По своему размеру эффект выше средних значений и приближается к высоким.

Таким образом, мета-анализ показывает, что первая часть гипотезы мультикультурализма, гласящая о том, что высокая воспринимаемая безопасность позитивно связана с принятием мультикультурной идеологии, получает подтверждение и в выборках этнического большинства.

Далее мы провели мета-анализ результатов проверки второй части гипотезы мультикультурализма, в которой утверждается, что воспринимаемая безопасность позитивно связана с этнической толерантностью. Как и в предыдущем случае, сначала мы провели мета-анализ результатов, полученных на выборках этнических меньшинств.

К оценке устойчивости результатов проверки второй части гипотезы мультикультурализма мы приступили, как и в предыдущем случае, с использованием эмпирических данных этнических меньшинств. Оценка гетерогенности данных показала, что в этом случае она также очень высока ($I^2 = 98.9 \%$), поэтому мы использовали модель случайных эффектов.

Таблица 3

**Взаимосвязь воспринимаемой безопасности и принятия мультикультурной идеологии
(этническое большинство в разных странах и регионах)**

Исследование	N	Z Фишера	Дисперсия	Нижняя граница	Верхняя граница	p
1. Русские в Москве (Лебедева, Татарко, Берри, 2016).	651	.030	.002	-.047	.107	.445
2. Латыши в Риге (Латвия) (Lebedeva, Tatarco, Berry, 2016)	363	.693	.003	.590	.796	< .001
3. Кабардинцы и балкарцы в КБР (РФ) (Lershokova, Tatarco, 2016).	285	.203	.004	.086	.319	.001
4. Русские в Москве (Ryabichenko & Lebedeva, 2016)	158	.299	.006	.141	.456	< .001
5. Осетины в Северной Осетии (РФ) (Galyarina, Lebedeva, 2016).	318	.472	.003	.362	.583	< .001
6. Азербайджанцы в Азербайджане (Lebedeva, Tatarco, Galyarina, 2017).	300	.576	.003	.463	.690	< .001
Размер эффекта (случайный)						.001

**Взаимосвязь воспринимаемой безопасности и этнической толерантности
(этнические меньшинства в разных странах и регионах)**

Исследование	N	Z Фишера	Дисперсия	Нижняя граница	Верхняя граница	p
1. Мигранты с Северного Кавказа и Закавказья (Лебедева, Татарко, Берри, 2016)	378	1.071	.003	.970	1.173	< .001
2. Русские в Риге (Латвии) (Lebedeva, Tatarko, Berry, 2016)	336	.050	.003	-.057	.157	.361
3. Русские в Кабардино-Балкарии (РФ) (Lershokova, Tatarko, 2016)	249	.030	.004	-.095	.155	.638
4. Мигранты из Центральной Азии (узбеки, таджики) в ЦФО (Ryabichenko & Lebedeva, 2016)	168	-.040	.006	-.193	.113	.607
5. Русские в Северной Осетии (РФ) (Galyarina & Lebedeva, 2016).	327	.255	.003	.147	.364	< .001
6. Русские в Азербайджане (Lebedeva, Tatarko, Galyarina, 2017)	307	1.422	.003	1.310	1.534	< .001
7. Русские в Дагестане (РФ) (Эмпирическая проверка..., 2016)	101	< .001	.010	-.198	.198	1.000
Размер эффекта (случайный)		.40	.055	-.059	.859	.088

Как показано в таблице 4, эффект умеренно высокий (0,40), однако он статистически не значимый ($p = .088$). Как мы видим в таблице 4, причиной такого итогового результата является высокая гетерогенность результатов, полученных на разных выборках в разных республиках. В 3-х из 7-и случаев статистически значимые связи были получены, но в 4-х случаях они были близки к нулю. Таким образом, устойчивость взаимосвязи воспринимаемой безопасности и этнической толерантности на выборках этнических меньшинств не была подтверждена.

При мета-анализе результатов оценки данной связи на выборках представителей этнического меньшинства мы также получили высокую гетерогенность данных ($I^2 = 92.7\%$), и использовали модель случайных эффектов (табл. 5). Хотя в данном случае размер эффекта был небольшим (0.28), он был статистически значим.

Таким образом, мы можем сказать, что мета-анализ позволяет говорить о том, что гипотеза мультикультурализма большей частью подтверждается на наших выборках. В частности, позитивная связь между воспринимаемой безопасностью и принятием идеологии мультикультурализма подтверждается на выборках как этнических меньшинств, так и на выборках представителей этнического большинства. Позитивная связь между воспринимаемой безопасностью и этнической толерантностью подтверждается только на выборках представителей этнического большинства. То есть полностью гипотеза мультикультурализма подтверждается в выборках представителей этнического большинства и частично — в выборках этнических меньшинств.

**Взаимосвязь воспринимаемой безопасности и этнической толерантности
(этническое большинство в разных странах и регионах)**

Исследование	N	Z Фишера	Дисперсия	Нижняя граница	Верхняя граница	p
1. Русские в Москве (Лебедева, Татарко, Берри, 2016).	651	.549	.002	.472	.626	< .001
2. Латыши в Риге (Латвия) (Lebedeva, Tatarco, Berry, 2016)	363	.388	.003	.285	.492	< .001
3. Кабардинцы и балкарцы в КБР (РФ) (Lershokova, Tatarco, 2016).	285	.182	.004	.065	.299	.002
4. Русские в Москве (Ryabichenko, Lebedeva, 2016)	158	-.121	.006	-.278	.037	.133
5. Осетины в Северной Осетии (РФ) (Galyarina, Lebedeva, 2016).	318	.332	.003	.221	.442	< .001
6. Азербайджанцы в Азербайджане (Lebedeva, Tatarco, Galyarina, 2017).	300	.321	.003	.207	.434	< .001
Размер эффекта (случайный)		.282	.007	.118	.447	.001

Гипотеза контакта

Далее мы провели мета-анализ результатов наших исследований проверки гипотезы контакта. В проведенных исследованиях предполагалось, что чем выше частота и плотность дружеских контактов между большинством и меньшинствами, тем выше ориентация на аккультурационные ожидания/стратегии «интеграция» и «ассимиляция».

При мета-анализе данных, направленных на выявление связи межкультурных контактов и аккультурационной стратегии «интеграция» на выборках меньшинств, мы использовали модель случайных эффектов (табл. 6), поскольку уровень гетерогенности данных был довольно высок и составлял $I^2 = 81.4\%$.

Как можно видеть в табл. 6, данная позитивная взаимосвязь действительно существует, и полученный общий эффект статистически значим на уровне 0.001. Однако, сам по себе эффект невысок (0.19).

Далее мы провели аналогичный мета-анализ шести исследований, выполненных на выборках представителей этнического большинства. Уровень гетерогенности данных этих исследований был относительно невысокий $I^2 = 37.05\%$, поэтому в данном случае нами была использована модель фиксированных эффектов (табл. 7).

Таблица 6
Взаимосвязь частоты межкультурных контактов и аккультурационной стратегии «интеграция»
(этнические меньшинства в разных странах и регионах)

Исследование	N	Z Фишера	Дисперсия	Нижняя граница	Верхняя граница	p
1. Мигранты с Северного Кавказа и Закавказья (Лебедева, Татарко, Берри, 2016)	378	.266	.003	.165	.367	< .001
2. Русские в Риге (Латвии) (Lebedeva, Tatarko, Berry, 2016)	336	.321	.003	.213	.428	< .001
3. Русские в Кабардино-Балкарии (РФ) (Lershokova, Tatarko, 2016)	249	-.100	.004	-.225	.025	.116
4. Мигранты из Центральной Азии (узбеки, таджики) в ЦФО (Ryabichenko, Lebedeva, 2016)	168	.161	.006	.009	.314	.038
5. Русские в Северной Осетии (РФ) (Galyapina, Lebedeva, 2016).	327	.203	.003	.094	.312	< .001
6. Русские в Азербайджане (Lebedeva, Tatarko, Galyapina, 2017)	307	.151	.003	.039	.264	.008
7. Русские в Дагестане (РФ) (Эмпирическая проверка..., 2016)	101	.365	.010	.167	.563	< .001
Размер эффекта (случайный)		.192	.003	.084	.300	.001

Таблица 7

Взаимосвязь частоты межкультурных контактов и аккультурационного ожидания «интеграция» (этническое большинство в разных странах и регионах)

Исследование	N	Z Фишера	Дисперсия	Нижняя граница	Верхняя граница	p
1. Русские в Москве (Лебедева, Татарко, Берри, 2016).	651	.100	.002	.023	.177	.011
2. Латыши в Риге (Латвия) (Lebedeva, Tatarco, Berry, 2016)	363	.090	.003	-.013	.194	.087
3. Кабардинцы и балкарцы в КБР (РФ) (Lepshokova, Tatarco, 2016).	285	.161	.004	.045	.278	.007
4. Русские в Москве (Ryabichenko, Lebedeva, 2016)	158	.182	.006	.025	.339	.023
5. Осетины в Северной Осетии (РФ) (Galyarina, Lebedeva, 2016).	318	.172	.003	.061	.282	.002
6. Азербайджанцы в Азербайджане (Lebedeva, Tatarco, Galyarina, 2017).	300	-.020	.003	-.134	.094	.730
Размер эффекта (фигсированный)						<.001
						.107
						.063
						.150
						<.001

Как следует из табл. 7, эффект имеет высокий уровень значимости ($p < .001$), однако сам по себе он слабый (.11). Таким образом, мы можем заключить, что действительно высокая частота дружеских контактов между представителями этнического большинства (или принимающего населения) и меньшинствами (или мигрантами), сопряжена с более высокой ориентацией на стратегию «интеграция». Соответственно, «гипотеза контакта» в отношении «интеграции» работает, хотя обнаруженные эффекты были довольно слабыми.

Далее мы провели аналогичный мета-анализ для второй части гипотезы контакта, операционализируемой как наличие связи между частотой дружеских межкультурных контактов и предпочтением аккультурационной стратегии/ожидания «ассимиляция».

При мета-анализе данных этнических меньшинств уровень гетерогенности результатов составил $I^2 = 81.1\%$, поэтому мы использовали модель случайных эффектов.

Результаты мета-анализа, приведенные в таблице 8, показывают, что выявленный эффект является значимым ($p < .01$), но слабым (.15). То есть действительно, контакты меньшинств (мигрантов) с этническим большинством (принимающим населением) могут способствовать ориентации на стратегию «ассимиляция», но в слабой мере.

Уровень гетерогенности результатов представителей этнического большинства составил $I^2 = 7.8\%$, то есть результаты во всех выборках были довольно согласованы поэтому мы использовали модель фиксированных эффектов.

**Взаимосвязь частоты межкультурных контактов и аккультурационной стратегии «ассимиляция»
(этнические меньшинства в разных странах и регионах)**

Исследование	N	Z Фишера	Дисперсия	Нижняя граница	Верхняя граница	p
1. Мигранты с Северного Кавказа и Закавказья (Лебедева, Татарко, Берри, 2016)	378	.172	.003	.070	.273	.001
2. Русские в Риге (Латвии) (Lebedeva, Tataiko, Berry, 2016)	336	.266	.003	.159	.374	< .001
3. Русские в Кабардино-Балкарии (РФ) (Lepshokova, Tataiko, 2016)	249	.321	.004	.196	.446	< .001
4. Мигранты из Центральной Азии (узбеки, таджики) в ЦФО (Ryabichenko, Lebedeva, 2016)	168	-.060	.006	-.213	.093	.440
5. Русские в Северной Осетии (РФ) (Galyapina, Lebedeva, 2016).	327	< .001	.003	-.109	.109	1.000
6. Русские в Азербайджане (Lebedeva, Tataiko, Galyapina, 2017)	307	.172	.003	.059	.284	.003
Размер эффекта (случайный)		.149	.003	.040	.257	.008

Таблица 9

**Взаимосвязь частоты межкультурных контактов и аккультурационного ожидания «ассимиляция»
(этническое большинство в разных странах и регионах)**

Исследование	N	Z Фишера	Дисперсия	Нижняя граница	Верхняя граница	p
1. Русские в Москве (Лебедева, Татарко, Берри, 2016).	651	-.040	.002	-.117	.037	.308
2. Латыши в Риге (Латвия) (Lebedeva, Tatarko, Betru, 2016)	363	.040	.003	-.063	.143	.448
3. Кабардинцы и балкарцы в КБР (РФ) (Lepshokova & Tatarko, 2016).	285	-.020	.004	-.137	.097	.737
4. Русские в Москве (Ryabichenko, Lebedeva, 2016)	158	-.141	.006	-.298	.017	.079
5. Осетины в Северной Осетии (РФ) (Galyapina, Lebedeva, 2016).	318	.050	.003	-.060	.160	.374
6. Азербайджанцы в Азербайджане (Lebedeva, Tatarko, Galyapina, 2017).	300	.010	.003	-.104	.124	.863
Размер эффекта (фиксированный)		-.010	< .001	-.053	.033	.655

Результаты мета-анализа, приведенные в таблице 9 показывают, что в выборках представителей этнического большинства частота дружеских межкультурных контактов не сопряжена с ориентацией на стратегию ассимиляции, и этот результат устойчив в рассмотренных нами выборках.

В целом гипотезу контакта можно считать доказанной для меньшинств (мигрантов) и частично доказанной для представителей этнического большинства.

Гипотеза интеграции

Далее мы провели мета-анализ результатов наших исследований, направленных на проверку гипотезы интеграции. В проведенных исследованиях предполагалось, что чем выше у представителей этнического большинства/меньшинств ориентация на стратегию/аккультурационное ожидание «интеграция», тем выше их удовлетворенность жизнью, а у меньшинств и мигрантов также выше уровень их социокультурной адаптации.

Сначала рассмотрим результаты мета-анализа связи «интеграции» с удовлетворенностью жизнью в обеих группах. Уровень гетерогенности при мета-анализе результатов исследований в выборках меньшинств был высоким ($I^2 = 86.9\%$) поэтому мы использовали модель случайных эффектов.

Таблица 10
Взаимосвязь аккультурационной стратегии «интеграция» и удовлетворенности жизнью
(этнические меньшинства в разных странах и регионах)

Исследование	N	Z Фишера	Дисперсия	Нижняя граница	Верхняя граница	p
1. Мигранты с Северного Кавказа и Закавказья (Лебедева, Татарко, Берри, 2016)	378	.090	.003	-.011	.191	.081
2. Русские в Риге (Латвии) (Lebedeva, Tataiko, Berri, 2016)	336	.010	.003	-.097	.117	.855
3. Русские в Кабардино-Балкарии (РФ) (Lepshokova & Tataiko, 2016)	249	-.213	.004	-.338	-.088	.001
4. Мигранты из Центральной Азии (узбеки, таджики) в ЦФО (Ryabichenko, Lebedeva, 2016)	168	.020	.006	-.133	.173	.797
5. Русские в Северной Осетии (РФ) (Galyapina, Lebedeva, 2016).	327	.321	.003	.212	.429	< .001
6. Русские в Азербайджане (Lebedeva, Tataiko, Galyapina, 2017)	307	.182	.003	.070	.294	.002
7. Русские в Дагестане (РФ) (Эмпирическая проверка..., 2016)	101	.161	.010	-.037	.359	.110
Размер эффекта (случайный)		.081	.004	-.047	.210	.215

Как можно видеть в таблице 10, результаты мета-анализа указывают на отсутствие статистически значимого рассматриваемого эффекта. Таким образом, мы можем заключить, что выбор стратегии «интеграция» меньшинствами, с большой вероятностью, не сопряжён с их удовлетворенностью жизнью.

При проведении аналогичного мета-анализа исследований, выполненных на выборке представителей этнического большинства мы также обнаружили высокий уровень гетерогенности результатов ($I^2 = 84.6 \%$) и поэтому использовали модель случайных эффектов.

Результаты мета-анализа, приведенные в таблице 11, указывают на то, что в выборках представителей этнического большинства рассматриваемый эффект статистически значим (.04), но при этом он довольно слабый (.12). Таким образом мы можем сказать, что у представителей этнического большинства предпочтение аккультурационного ожидания «интеграция» позитивно сопряжено с удовлетворенностью жизнью, хотя и довольно слабо.

Как уже отмечалось, в отношении этнических меньшинств гипотеза интеграции также предполагает, что предпочтение ими аккультурационной стратегии «интеграция» позитивно связано с успешностью их социокультурной адаптации. Гетерогенность результатов исследований, направленных на выявление данной связи, была низкая (уровень гетерогенности составил $I^2 = 22.2 \%$), поэтому мы использовали модель фиксированных эффектов.

**Взаимосвязь аккультурационного ожидания «интеграция» и удовлетворенности жизнью
(этническое большинство в разных странах и регионах)**

Исследование	N	Z Фишера	Дисперсия	Нижняя граница	Верхняя граница	p
1. Русские в Москве (Лебедева, Татарко, Берри, 2016).	651	.100	.002	.023	.177	.011
2. Латыши в Риге (Латвия) (Lebedeva, Tatarco, Berry, 2016)	363	.070	.003	-.033	.173	.183
3. Кабардинцы и балкарцы в КБР (РФ) (Lepshokova, Tatarco, 2016).	285	.090	.004	-.026	.207	.130
4. Русские в Москве (Ryabichenko, Lebedeva, 2016)	158	.192	.006	.035	.350	.017
5. Осетины в Северной Осетии (РФ) (Galyarina, Lebedeva, 2016).	318	.354	.003	.244	.465	< .001
6. Азербайджанцы в Азербайджане (Lebedeva, Tatarco, Galyarina, 2017).	300	-.090	.003	-.204	.023	.120
Размер эффекта (случайный)		.118	.003	.004	.231	.042

Таблица 12

**Взаимосвязь аккультурационной стратегии «интеграция» и социокультурной адаптации
(этнические меньшинства в разных странах и регионах)**

Исследование	N	Z Фишера	Дисперсия	Нижняя граница	Верхняя граница	p
1. Мигранты с Северного Кавказа и Закавказья (Лебедева, Татарко, Берри, 2016)	378	.151	.003	.050	.252	.003
2. Русские в Риге (Латвии) (Lebedeva, Tatarco, Berry, 2016)	336	.090	.003	-.017	.198	.100
3. Русские в Кабардино-Балкарии (РФ) (Lepshokova, Tatarco, 2016)	249	.182	.004	.057	.307	.004
4. Мигранты из Центральной Азии (узбеки, таджики) в ЦФО (Ryabichenko, Lebedeva, 2016)	168	-.020	.006	-.173	.133	.797
5. Русские в Северной Осетии (РФ) (Galyapina, Lebedeva, 2016).	327	.151	.003	.042	.260	.007
Размер эффекта (фиксированный)		.123	.001	.071	.174	< .001

Из таблицы 12 можно видеть, что статистически знаемый эффект в данном случае действительно существует и его значимость довольно высокая, хотя сам эффект слабый (.12).

Таким образом, мы можем сказать, что гипотеза интеграции, как и предыдущие гипотезы, подтверждается частично. У представителей этнического большинства предпочтение аккультурационного ожидания «интеграция» позитивно сопряжено с удовлетворенностью жизнью. А что касается этнических меньшинств, то у них предпочтение аккультурационной стратегии «интеграция» не связано с удовлетворенностью жизнью, но позитивно связано с успешностью социокультурной адаптации.

Обсуждение результатов

Мы свели результаты проверки всех элементов трех гипотез межкультурного взаимодействия в 13 выборках исследований, проведенных в регионах России, Латвии и Азербайджане (таблица 13).

Таблица 13

Результаты мета-анализа проверки трех гипотез в России, Латвии и Азербайджане

Гипотезы	Группы меньшинств / мигрантов	Группы большинства
Гипотеза мультикультурализма (Воспринимаемая безопасность способствует поддержке мультикультурной идеологии)	Подтверждается	Подтверждается

Гипотеза мультикультурализма (Воспринимаемая безопасность способствует этнической толерантности)	Не подтверждается	Подтверждается
Гипотеза контакта (Межкультурные контакты способствуют интеграции)	Подтверждается	Подтверждается
Гипотеза контакта (Межкультурные контакты способствуют ассимиляции)	Подтверждается	Не подтверждается
Гипотеза интеграции (установка на интеграцию способствует удовлетворенности жизнью)	Не подтверждается	Подтверждается
Гипотеза интеграции (установка на интеграцию способствует успешной социокультурной адаптации мигрантов и меньшинств)	Подтверждается	—

Мета-анализ на 13 выборках (3940 респондентов) показал, что гипотеза мультикультурализма полностью подтверждается в группах большинства (воспринимаемая безопасность способствует поддержке мультикультурной идеологии и этнической толерантности) и частично — в группах меньшинств (воспринимаемая безопасность способствует поддержке мультикультурной идеологии, но не способствует толерантности). В случае с меньшинствами и мигрантами, по всей видимости, существуют другие факторы, влияющие на толерантные установки по отношению к принимающему населению. Мы

можем попытаться предположить, опираясь на показатели Z критерия в таблице 4 (наиболее высокие показатели этого критерия обнаружались в выборках русских в Азербайджане и мигрантов с Кавказа в Москве), что в основе этого лежат особенности принимающего контекста, а именно — в обоих контекстах принимающее население нацелено на интеграцию мигрантов и меньшинств, и, следовательно, аккультурационные установки контактирующих групп реципрокны друг другу (Лебедева, Татарко, Берри, 2016; Lebedeva, Tatarko, Galyapina, 2017).

Гипотеза контакта полностью подтверждается в группах меньшинств (межкультурные контакты способствуют установкам меньшинств на интеграцию и ассимиляцию) и частично — в группах большинства (межкультурные контакты большинства способствуют установкам на интеграцию, но не на ассимиляцию меньшинств). Это также наводит на мысль о важности реципрокности аккультурационных установок большинства и меньшинства в принимающем контексте.

Гипотеза интеграции в первой своей части (установка на интеграцию способствует удовлетворенности жизнью) подтверждается на группах большинства, но не подтверждается на группах меньшинств, где подтверждается вторая часть этой гипотезы (установка на интеграцию способствует успешной социокультурной адаптации мигрантов и меньшинств). Важность и желательность интеграции для обеих сторон уже понятна из гипотезы контакта, гипотеза интеграции только подтверждает это на психологическом уровне. В случае с меньшинствами

по-видимому играет роль то, насколько контекст является благожелательным и принимающим мигрантов и меньшинства. Например, наивысшие показатели Z критерия и P выявлены у русских РСО-А и Азербайджана, где действительно контекст для русских благоприятный. Менее доброжелательными и принимающими контекстами для русских являются контексты Латвии, КБР, Дагестана, а для мигрантов с Кавказа и Центральной Азии — контекст Москвы.

Таким образом, результаты нашего мета-аналитического исследования высвечивают важность принимающего контекста для успешной взаимной аккультурации (Ward et al., 2010) и в широком смысле согласуются с Интерактивной моделью аккультурации (Bourhis et al., 1997): совпадение или несовпадение аккультурационных установок большинства и меньшинства лежит в основе успешной, проблемной или конфликтной взаимной адаптации.

Предыдущие исследования межкультурных отношений в Кабардино-Балкарии и Чеченской республике выявили, что русские, живущие в этих республиках, предпочитают стратегию интеграции, хотя местное население предпочитает аккультурационное ожидание «исключение» по отношению к ним (Лепшокова, 2012). Сходные исследования показали также, что воспринимаемые несовпадения между собственным аккультурационным предпочтением и предпочтением другой группы связано с низким уровнем удовлетворенности жизнью и негативными межгрупповыми установками (Pfafferott, Brown, 2006, Piontkowski et al., 2002, Ward, 2009; Zagefka, Brown, 2002).

Роль контекста также проявилась в непрямом влиянии воспринимаемой безопасности и межкультурных контактов на психологическое благополучие в двух республиках Северного Кавказа — РСО–А и КБР. В РСО–А аккультурационное ожидание осетин относительно интеграции русских в республике послужило медиатором влияния межкультурных контактов осетин на их психологическое благополучие, а в КБР роль подобного медиатора выполнило аккультурационное ожидание кабардинцев и балкарцев ассимиляции русских в КБР (Lebedeva, Galyapina, Lepshokova, Ryabichenko, 2017). Это означает, что в близком культурном контексте (РСО–А) ожидание интеграции русских, а в более далеком культурном контексте ожидание ассимиляции русских усиливает позитивный эффект воспринимаемой безопасности и межкультурных контактов на психологическое благополучие этнического большинства этих двух республик.

Заключение

Таким образом, проверка трех гипотез межкультурного взаимодействия (мультикультурализма, контакта и интеграции) в различных странах и регионах постсоветского пространства подтвердила большинство связей, постулируемых в этих гипотезах. Наш предварительный мета-анализ результатов исследований с представителями 13 этнических групп (N=3940) в шести различных социокультурных контекстах (Центральная Россия, включая Москву, Кабардино-Балкарская республика, республика Северная Осетия – Алания, республика Дагестан,

Азербайджан и Латвия) позволил выделить особенности контекста межкультурного взаимодействия, существенные для степени подтверждения данных трех гипотез (и в целом, для благоприятности межэтнических отношений в регионе).

Некоторые особенности контекста, влияющие на успешность взаимной аккультурации этнических групп:

- совпадение/несовпадение аккультурационных предпочтений большинства и меньшинства/мигрантов;
- культурная (этническая/религиозная) дистанция;
- уровень этнической «плотности» и гетерогенности (высокая интенсивность межкультурных контактов);
- отсутствие навязанной ассимиляции.

Данные особенности контекста, а также другие, еще не выявленные нами, играют важную роль для взаимной аккультурации и психологического благополучия взаимодействующих групп на постсоветском пространстве.

Мы можем также отметить как общее правило, что ведущая роль в подтверждении или не подтверждении гипотез в каждом регионе принадлежит этническому большинству, которое задает тон и атмосферу взаимодействия. В целом, если, например, гипотеза полностью подтверждается в группе большинства, то как правило она подтверждается и в группе меньшинства, по меньшей мере, частично. Если она частично подтверждается в группе большинства, то скорее всего она частично или не подтверждается у меньшинств.

Это указывает на особую ответственность этнического большинства за благоприятные межэтнические отношения в регионе, которая может проявлять себя в идеологии и политике межкультурного взаимодействия и в разработке специальных программ для улучшения межкультурных отношений. Это означает также, что «новые большинство» в постсоветских странах и регионах должны уделить внимание усвоению этой новой роли и взять на себя ответственность не только за успешную адаптацию меньшинств, но также и за сохранение каждой культуры в своем регионе, а значит — за межэтнический мир и психологическое благополучие всех жителей региона или республики.

